

РУССКИЙ ДИКТАНТ

В основу диктанта положен отрывок из романа А. Проханова «Кочующая роза», очерковый характер которого определил специфическое – дробное, абзацное – членение, нетипичное для текстов, нацеленных на проверку правописания.

Снова в путь

Утро в редакции. Ты принят главным редактором, рыжесатым, в очках с золотой оправой. В благодушный его фамильярности слышится сталь и холод. Как ни вникай, разговор пока не о главном. Несут газетные полосы. Он черкает, правит, колет пером, прорывая бумагу насквозь, и, мало-помалу успокаиваясь, изредка посылает в тебя золотые лучики от очков.

Потом говорит он один. Именно этой темой ты занят не год и не два – полжизни. Но на этот раз тебе предлагают двухмесячное путешествие. И тут же, в кабинете редактора, в тебе возникает движение. Некий вектор туда, на восток, куда понесут тебя ночью турбины.

Редакция – стартовая площадка, с которой тебя запускают. Тебя заряжают, вкладывая внутрь программу. Выстреливают тобой, и ты падаешь за много километров от пункта наведения. Врезаешься в другие слои, стараясь проникнуть в глубины жизни.

Ты жадно смотришь и чем внимательнее глядишься, тем яснее видишь: завод на Урале, где из огня, электричества, стали возникают трубы для сибирского и среднеазиатского газа, или полосатый столб у границы, на котором иранский лев поднял меч среди туч...

Ты работаешь на пределе, выгорая с каждым перелётом. И вот на послед-

нем дыхании ты выбираешься наконец из какого-нибудь кишлага, пересаживаешься в стеклянно-прозрачный автобус, и, когда гигантский лайнер отрывает тебя от шумного горячего города, ты знаешь: твой путь завершён. Опускаешься ночью на холодный бетон Домодедова, несёшься в березняках, ослепляемый светом фар. И вдруг с удивлением, как о прошедшем давным-давно, вспоминаешь утро в песках, сиреневого ишачка, седые усы старика на коричневом, привыкшем к солнцу лице.

И первые дни в Москве. Ты пишешь быстро, разложив на столе блокноты и спрятав до времени тетрадь в красной обложке. Ты нервничаешь, ожидая полосы, просиживаешь до полуночи в редакции, каждый раз волнуясь, когда перед тобой на столе возникает набранный лист.

В четырёх стенах, среди привычных вещей вдруг понимаешь: есть иное измерение тебя, и в этом, ином, измерении прячутся, ускользая, иные возможности жизни, иное понимание всего. Но это только мгновение. Ты устал, ты измучен. Ты прячешь тетрадь к другим, таким же испитанным. «После, как-нибудь после», – думаешь ты, засыпая.

И наутро – как взрыв! Разнесённая поездками и самолётами, статья наполняет мир. Ты видишь, как шарают по ней глаза. О ней говорят, её судят. А тебя готовят к новому запуску. Свежие блокноты, тетрадь... И вот уже ты летишь.

(А. Проханов, 367 слов)

КОММЕНТАРИЙ СОСТАВИТЕЛЯ

Орфография диктанта включает сложные случаи выбора частиц *не* и *ни*; правописание личных окончаний глаголов; употребление мягкого знака после шипящих; слитное и раздельное написание наречий, образованных от существи-

тельных; правописание слов с префиксоидами *пол-*, *полу-*. Среди наиболее важных, нечасто встречающихся в текстах диктантов пунктограмм – употребление тире в неполном предложении; тире при эллипсе противительного союза в одно-

родном ряду; знаки препинания при стечении союзов в сложном предложении; сложные случаи обособления – при объединении деепричастных оборотов союзом *и*.

НАТАЛЬЯ КИРИЛЛОВА

Детей всё меньше, экзаменов всё больше

Хотя в этом году в школы придут на 150 тысяч первоклассников больше, чем в прошлом, общая тенденция, вызванная демографическим спадом, не изменилась. Количество обучающихся снижается, и ныне, как сообщил министр образования и науки, впервые за парты сядут меньше 13 млн. человек.

День знаний традиционно пройдёт 1 сентября, предложение помощника президента Игоря Левитина перенести начало учебного года на 15 сентября положительного отклика в педагогическом сообществе не нашло. Уставшие от бесконечных реформ учителя ко всем нововведениям теперь относятся настороженно, усматривая в них не столько заботу о повышении качества образования, сколько желание ужесточить над ними контроль.

Так, уже в этом году некий аналог ЕГЭ вводится и для начальной школы. Централизованная проверка знаний на основе единых контрольно-измерительных материалов коснётся пока только четвёртых классов. Сдавать четверолашки будут три предмета: русский язык, математику и окружающий мир. Для детей, считают в Минобре, такие работы будут дополнительной мотивацией к обучению. Учителя менее оптимистичны. Малышам всё равно, кто будет проверять их работы: учитель, школа или министерство, повысить их интерес к учёбе система проверки никак не может. А вот на пресловутый рейтинг школ ещё одна аттестация повлиять может, и вряд ли власти удержатся от административных выводов по поводу результатов.

АЛЬТЕР-ЕГЭ

Записки с передовой,

или Как я был организатором ЕГЭ

В тех многочисленных словесных пирамидах, что возведены благодаря ЕГЭ, есть и толика моего участия. И круглый стол проводил, и заинтересованных лиц интервьюировал неоднократно. Не знал, не ведал тогда, что сам окажусь однажды на передовой линии, так сказать, егэшного фронта.

БЕЗ ПРАВА ВЫХОДА

Типичный «спальный» район Краснодара. Школа № 80, пункт проведения экзамена (ППЭ) №... (впрочем, вдруг это секретная информация, посему о номере части, то есть пункте проведения экзамена, умолчим). На часах 7 часов 40 минут. Поднимаюсь на высокое школьное крыльцо, достаю из широких штанин не дубликатом, но бесценным грузом орлисто-когитистый. Женщины, сидящие за столом (две сдвинутые друг к другу парты), повелительно требуют снять с паспорта обложку.

– А это зачем?
– Вы, что, первый раз? Может, вы там шпаргалку спрятали.

Только-только убедил себя в том, что организатор ЕГЭ – звучит гордо, и такое меленкое подозрение. Ну да ладно. «Дура лекс сед лекс» – закон суров, но это закон. Зачем-то произношу эту фразу вслух. Резко оборачивается женщина в деловом синем костюме с бейджиком, глясящим, что она представляет Министрство образования и науки Краснодарского края.

Расписываюсь, получаю свою карточку с информацией, кто я таков. Полчаса в гомоящей, заполненной коллегами аудитории, затем коллективное перемещение в актовй зал, вновь ожидание. Коллега интересуется: а водичку, Сергей Валентинович, забыли купить? Ёпэрэээт! Забыл!

Время – 8 часов 15 минут. Мчусь по этажам-коридорам купить бутылочку минералочки. Как минимум до половины третьего мы на свободу не вырвемся. А я же не верблюд, в конце концов, хотя и рядовой учитель истории, обществознания и кубановедения. А учителя, как молва доносит, могут и неделями не питаться.

– Куда?! Назад! – лысый молодец, знакомый мне по инструктажам, где он нас поучал-наставлял, распротёр в дверном проёме руки, богатырски выдвинул грудь с животиком. – Я сказал – назад!

За нами с каким-то спортивным интересом наблюдают трое полицейских (две обаятельные девушки и ражий кубанец), также несущие дежурство на входном пятачке. Наконец в импульсивный диалог вмешиваются женщины, толпящиеся с озабоченным видом здесь же, у входа. За водичкой отправляют подвешившего ученика, помогающего осуществлять музыкальную прелюдию к празднику под названием «сдача ЕГЭ».

В школьном дворе, замечая, уже начинают собираться те, кто сегодня будет сдавать ЕГЭ по литературе и географии. Мне же велено возвращаться, причём немедленно, в актовй зал. По дороге туда придавлен

вопросом: что случилось бы в этом прекрасном и грозном мире, если бы я сбежал и купил себе водички?

В актовом зале сидим ждём ещё с десяток минут. И вот начинается «раздача слоников»: распределение мест несения службы. Начинают с организаторов в аудиториях. «Самое-самое», – тяжело вздыхает коллега и слышит свою фамилию. Пять часов в замкнутом пространстве. Предельная концентрация внимания, сверхкорректность и минимум слов. А ещё масса деталей поведенческих. К примеру, нельзя находиться перед видеокamerой на одной линии с коллегой. Пытаюсь вникнуть в логику придумавших такое «правило». Один организатор заслоняет другого от недремлющего видеокamera, ну а тот, пользуясь моментом, достаёт горсть шпаргалок и жестом сеятеля разбрасывает их по классу?..

...Затем озвучивается список «коридорных». Радостные улыбки у названных. Тут работёнка проще. Едва ли не единственная сложность: сопроводительно-туалетная.

И напоследок называют фамилии тех, кто будет дежурить на входе. Я оказываюсь в числе последних. Ну что ж, поработаем «швейцаром». Возвращаюсь туда, где ещё десять минут был «мешающимся». Обменяемся понимающими улыбками с общественной наблюдательницей. На столе меня дожидается бутылочка негазированной воды и пять рублей сдачи.

Окончание на стр. 3

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Самое совершенное оружие

Теперь, когда истинная ценность явления познаётся у нас путём сравнения с чем-то, имеющим отношение к армейскому быту, можно смело назвать наш «великий и могучий» русский язык самым совершенным оружием, которое когда-нибудь давалось человеку. Англичанин скажет то же самое об английском языке, немец (о, мы помним чудовищную силу *deutsche Sprache* не только по Гёте, но и по доктору Геббельсу!) – о немецком, и все они будут по-своему правы, ибо язык был, есть и будет абсолютным выражением воли и духа народа. Когда же они, эти воля и дух, начинают мельчать, язык моментально реагирует на эти изменения, делаясь вялым и больным.

ОТЧЕГО ДЕРЖАТСЯ ЗА ГОЛОВУ ЛИНГВИСТЫ

В числе моих знакомых есть дама, профессионально занимающаяся лингвистикой. Доктор наук, профессор, женщина, исполненная всяческих добродетелей и достоинства, она теряет самообладание, когда речь заходит о состоянии русского языка в высшей школе. Я на свой манер утешаю её, говоря, что в высшую школу приходят из средней, а там дело обстоит ещё хуже. Вот, к примеру, в одном из центральных лицеев Астрахани есть учительница русского языка и литературы, которая на полном серьёзе считает, что сказочные персонажи типа Бабы-яги относятся к существам одушевлённым, в то время как Русалка совсем даже наоборот – к неодушевлённым. Многочисленное же число слова «число» (извините за тавтологию) по её непоколебимому мнению звучит не иначе как «числы» (!). Наиболее продвинутые из детей по мере сил пытаются возражать ей, но Мариванна (из этических соображений назовём её так) спуску бунтарям не даёт. «А что же родители? – спросите вы. – Родители-то куда смотрят?» Знаю куда – в телевизор. Им теперь, похоже, более интересна судьба Украины, чем собственных детей, да и собственной страны в целом...

Кстати, об Украине. Где-то четверть века назад вышел у меня в Одессе ленивый поначалу спор с одним местным литератором, который уверял, что русский язык поглотил украинский и не даёт ему развиваться. Мова-де страдает, а через неё страдает и весь украинский народ, посему выход один: ограничить присутствие русского языка в независимой батькивщине.

Собеседник мой был ярким националистом и как всякий националист носил на себе печать редкостной благоглупости, рвущейся от неуверенности в одежке квадного патриотизма. Помнится, я ответил ему примерно так: а рука тебе вторая, любезный, часом не мешает, а то отпилим её, чтобы левую, *сердешную*, не раздражать? Тебе, дружок, Богу свечку надо каждый день ставить за то, что привилегию такую вам сделал – русский язык дал в подарок, а ты и тебе подобные бежите от него, как от чумы. От Пушкина с Достоевским бежите, от Лермонтова с Чеховым, от Гоголя с Буниным! Коли вам власть не нравится, так мы сами от неё не в восторге, но при чём здесь русский язык?!

Окончание на стр. 2

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Благодарим Торговый дом «Библио-Глобус» за предоставленные книги

Любовь Тумина. **Притча как школа красноречия: учебное пособие**, изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 368 с. – Тираж не указан.

В античности притча входила в число прогимнаст – подготовительных упражнений, с которых начиналось обучение ритора. По мнению Василия Великого, термин происходит от корня -течь- (идти) или -ткнуть- (встретиться). В том и другом случае оно означает припутное изречение, т.е. такое, которое служит указателем пути, руководствует человека на путях жизни, давая ему средства к благополучному течению по этим путям. Вот, например, античная притча о хозяине и моряках.

«Один хозяин плыл по морю и от непогоды занемог. Пока продолжалось ненастье, моряки помогали больному, а он им говорил: «Если вы не поведёте корабль скорее, я вас всех камнями задаю!» На это один из моряков сказал: «Эх, если бы мы были на том месте, где есть камни!»

Владимир Даль толковал слово «притча» как «поучение в примере». Автор учебного пособия предлагает студентам определить, в чём соль той или иной притчи, научиться употреблять притчи в своей речи, создавать с их помощью обобщения и импровизировать. Пособие снабжено мини-хрестоматией – текстами античных, библейских и древнерусских притч – и адресовано тем, кто заинтересован в повышении уровня своего профессионального речевого мастерства, в первую очередь будущим филологам, журналистам, культурологам и педагогам.

Людмила Зубкова. **Эволюция представлений о языке**. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 760 с. – 500 экз.

Представления о языке постоянно развиваются, углубляются, уточняются. Обозреть все более или менее значительные концепции одному исследователю вряд ли по силам. Поэтому в книге доктора филологических наук, профессора Людмилы Зубковой анализ ограничен кругом ключевых учений, разработанных классиками философской и лингвистической мысли. Рассматриваются основное направление представлений о соотношении бытия, мышления и языка; отношение языка к внешнему и внутреннему миру челове-

ка; эволюция представлений о языковом знаке, о соотношении языка и речи, внутреннем строе языка.

С одной стороны, книга Зубковой – это научное исследование, с другой – учебное пособие по теории и истории языковедения от Платона до Г. Мельникова и Н. Хомского. Наконец, это и вадемуку (путеводитель) по истории идей. Чтобы проследить формирование языковедческой мысли и по возможности полно и объективно воссоздать систему взглядов классиков лингвистики, необходима максимальная опора на источники, а не на переложения и критику. Отсюда постоянное цитирование и нередко развёрнутые извлечения из рассматриваемых трудов – начиная от «Грамматики» и «Логики» Пор-Рояля и заканчивая лингвистическими концепциями на рубеже XXI века.

Книга предназначена филологам, студентам, магистрантам, аспирантам и преподавателям.

ПРАВИЛА ИГРЫ

«Зачётная» проформа

Сочинение как редкое индивидуальное достижение

Введение выпускного сочинения, учёт его итогов в качестве индивидуального достижения при поступлении в вуз даи надежду на изменение отношения учащихся к русскому языку и литературе. Но пока, увы, большинство писавших сочинение, констатируют проверявшие работы преподаватели вузов, с задачей не справились.

— Безусловно, падение грамотности есть, — сетует ректор Челябинского государственного педагогического университета Владимир Садьрин. — Но ведь это мы сами, старшее поколение, виноваты во всех этих бедах. Если мы до минимума сокращаем часы на преподавание русского языка, что ж удивляться итогам ЕГЭ и качеству сочинений?

— Натаскивали-натаскивали детей на тесты, а потом вдруг хоп — сочинение, оценка за которое может увеличить шансы на поступление в вуз. Оправдан ли такой культ?

— Я думаю, что любой нормальный человек выскажется за сочинение: умение выражать свои мысли, их излагать, умение привести доказательства, цитаты, аргументы и показать, что ты в этой теме и можешь её раскрыть, — это важная сторона образования. Мы, безусловно, за сочинение, но всё же в этом году решили суммировать баллы за него только при приёме на филологический факультет.

Интересно, что на протяжении 30 лет среди абитуриентов на первом месте по популярности был фа-

культет иностранных языков, — туда шли самые подготовленные, амбициозные и продвинутые, золотые медалисты. В последние два года в фаворе оказался филологический факультет, средний балл при поступлении там резко вырос. Мы увидели наконец искренний интерес к профессии учителя русского языка и литературы.

На факультете сильный преподавательский состав: кандидаты и восемь докторов филологических наук. В этом году конкурс на 30 бюджетных мест дневного отделения также был самым высоким.

— Владимир Витальевич, помогли ли кому-то выпускные сочинения стать студентами?

— Сочинения вначале проверили школьные учителя, затем их передали в федеральную базу. И знаете, из 176 абитуриентов нашего филфака только 143 дали согласие на проверку своих «зачётных» сочинений вузовскими экспертами. Нормы оценки общеизвестны, они были опубликованы в журнале «Русский язык в школе». Сумма баллов складывалась из двух показателей: оцен-

ки знаний по литературе и русскому языку. Дальше статистика очень интересна: 10 баллов получили только один автор (!), «нулём» оценено 78 работ. Как мы выводили ноль? Если русский язык (орфография, пунктуация, грамматика) и литературная сторона сочинения (содержание, раскрытие темы и аргументированность) оценивались тремя баллами и ниже, мы ставили ноль. Многие абитуриенты возмущались: мол, почему у нас ноль? Хотя один балл, да дайте!

одна пунктуационная претензия, и та обсуждаема. В общем, очевидно, что парень выбрал профессию по призванию и мотивированно. Общее количество баллов по ЕГЭ у него недотягивало до проходного — всего 187. «Десятка» за сочинение сыграла свою «спасительную» роль — в вузе решили перспективно абитуриента зачислить и посмотреть, как он будет учиться...

Победительнице муниципальной олимпиады Кристине Е. за сочинение поставили 8 баллов, но она и без них проходила на бюджетное место со своими 275 баллами по ЕГЭ. Ещё один паренёк хоть и получил 9 баллов плюсом за сочинение, но всё равно недотянул до проходного барьера, будет учиться на коммерческой основе.

Из «нулевых» особо впечатлило сочинение Алены М.: 14 (!) пунктуационных ошибок. Такие плачевные результаты заставляют сомневаться в объективности школьных учителей, ставящих своим выпускникам «зачёты». Налицо колоссальный разрыв в уровне знаний и навыков, и можно поспорить с решением МГУ добавить всем писавшим выпускные сочинения «десятку» при поступлении. Видимо, к будущему году необходимо либо найти вопросы на все возникшие ответы, либо усовершенствовать такой «сырой» эксперимент.

— Мы думаем, что сейчас Министерство образования должно всё, что нарабатывали вузы, собрать, обобщить и выработать единые критерии оценки выпускных сочинений, — итожит Владимир Садьрин.

— И эти критерии надо выдать заранее, не в последнюю минуту, чтобы мы могли своих экспертов обучить, подготовить, даже спланировать их отпуска с учётом периода проверки работ. Я думаю, что в следующем году мы также будем суммировать баллы за сочинения только на филологическом факультете. Внимательно проанализируем опыт и тогда уже начнём учитывать результаты сочинений у историков или на факультете иностранных языков. Наша позиция однозначна: всё должно вводиться только во благо абитуриента, и никак иначе. Поэтому пока не будем говорить о сочинениях при приёме на факультеты негуманитарного профиля. Но, безусловно, русский язык важен для всех. Умение излагать свои мысли, выступать перед аудиторией, грамотно писать нужно любому инженеру, программисту или компьютерщику — в общем, всем нам.

Людмила
КАЛУГИНА,
ЧЕЛЯБИНСК

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Смех сквозь правду

У него что ни слово, то перл, что ни оборот, то юмор, хотя и не совсем простой. И для самого Михаила Михайловича, болевшего почти всю сознательную жизнь, сам акт творчества был воистину целебным.

Фантастическое успеха своих рассказов Зошенко чаще всего достигал талантливой игрой слов, частично подслушанных, особенно в начале жизни, когда он кем только не работал. Это и комедант почтамта, и сапожник, и актёр драматического театра, и миллионер, и телефонист, и агент уголовного розыска, и инструктор по птицеводству, и делопроизводитель, и секретарь суда, и кондуктор трамвая, и счетовод... Так что совсем не удивительно в его рассказах такие словечки, как «плитуар», «окромья», «хресь», «стот», «в ём», «брунеточка», «вкपालась», «для скусу», «хучь плаче», «животная бессловесная» и так далее.

И понятно, что во главе угла — так называемый маленький человек. Продолжая традицию Гоголя, а позднее — Чехова, писатель по-своему показывает «маленького человека», помогая читателю увидеть те стороны характера, что мешают адаптироваться в новой исторической обстановке. Зошенко хотел, чтобы читатель, посмеявшись над невежеством, пошлостью обывателя, его стремлением хотя бы искусственно соответствовать новому времени, понял бы самого себя, а значит, увидел реальную перспективу — и своего духовного роста, и судьбы в целом. Неслучайно в те годы было в ходу такое «обещание»: вот рассказу Зошенко, уж оно выведет тебя на чистую воду!

Увы, и критики, и коллеги-писатели, за редким исключением, не говоря уже о властях, не разглядели — а некоторые и не хотели этого — истинную учительскую миссию Зошенко, которая особенно наглядно проявилась в его более поздних произведениях. И, несомненно, глубоко гуманистическое отношение к человеку.

Но вернёмся к юмору Михаила Михайловича. Вот знаменитый рассказ «Баня», всего несколько из него фраз:

«...А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать — некуда. Карманов нету. Кругом — живот да нога».

«...Иду шайку. Глажу, один гражданин в трёх шайках моется. Водной стоит, в другой башку мылит, а третьей левой рукой придерживает, чтоб не спёрли. Потянул я третью шайку, хотел, между прочим, её себе взять, а гражданин мне выпучивает».

«... Ты что же это, — говорит, — чужие шайки воруюсь? Как ляпу, говорит, тебе шайкой мылешь глаз — не зарадуешься».

«... Через час глажу, какой-то дядя зазевался, выпустил из рук шайку. За мылом нагнулся или замечтался — не знаю. А только тую шайку я взял себе».

«... Теперь и шайка есть, а сеть негде. А стая мышь — какое же мать? Грех один».

И даже в «Сентиментальных повестях», которые Зошенко назвал «галереей уходящих типов», в языковом плане он остаётся верен себе. Так, героиня одного из рассказов, Лизочка, спрашивает у своего поклонника: «Вся, как вы думаете, о чём поёт этот соловей?» И слышит в ответ: «Жрать хочет, оттого и поёт».

Родился Михаил Зошенко 10 августа то ли 1894 года, то ли 1895-го (источники до сих пор между собой спорят). Уже в детстве Михаил пробует себя в творчестве и принимает как большую беду низкую оценку за сочинение на экзамене. В семь лет он уже писал стихи, а в двенадцать родился первый рассказ — «Пальто».

Удивительно, но это абсолютно творческий человек был храбрым солдатом и отмечался за это очередными званиями и наградами: в течение всего двух лет, с 1915 по 1916-й, совсем молодой воин Первой мировой был награждён аж четырьмя ордена-

ми: двумя — Святого Станислава и двумя — Святой Анны. А за 40 лет яркой и плодотворной писательской работы, признанный как читающим населением огромного государства, так и светилами русской культуры (М Горький, К. Чуковский, А. Толстой, Ю. Олеша, С. Маршак, Ю. Тынянов), он был отмечен лишь однажды — орденом Трудового Красного Знамени. Было это накануне Великой Отечественной.

В 20—30-е годы, наступает самый яркий и благодатный период его жизни и творчества. В конце декабря 1921 года вышел в свет «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова». Кстати, в связи с этим произошла ситуация в духе самого Зошенко: типографские наборщики, знакомые с книгой, хохотали, что называется, до колик в животе и на последнем этапе перепутали обложки и часть тиража вывели в свет под названием «О трагическом». Хорошо, что только небольшую часть.

Успех книги был огромным. Недаром Константин Федин отмечал умение Зошенко «сочетать в тонко построенном рассказе иронию с правдой чувства». И конечно же, язык и стиль. Они в первую очередь подкупали и новизной, и в то же время удивительной знакомостью. В рассказе «Нервные люди» вся коммунальная квартира передрались из-за ёжика, которым примус чистят. Даже инвалид, которому говорит сосед: «Уходи, Гаврильч, от греха. Глади, последнюю ногу оборвот».

Гаврильч говорит: — Пуцай, — говорит, — нога пропадёт! А только, — говорит, — не могу я теперича уйти. Мне, — говорит, — сейчас всю амбицию в кровь разблти.

А ему, действительно, в эту минуту кто-то по морде сездил. Ну, и не уходит, накидывается. Тут в это время кто-то и ударит инвалида кастрильной по кумполу.

Инвалид — брык на пол и лежит. Скучает».

Вот в такой малости, как «скучает», — весь Зошенко, его виртуозное владение интонацией и словом.

В 1933 году выходит его повесть «Возвращённая молодость», публикация которой началась в журнале «Звезда». Автор утверждает, что жизнь должна быть «организована собственными руками», что возможности человека, в том числе психофизические, гораздо шире, чем принято думать. Однако среди критиков и писателей она вызвала немало неудовольствия, — и начинается травля Зошенко и даже исключение его из Союза писателей, что и произошло в 1946 году после знаменитого постановления ЦК.

Только через десять лет он смог издать свою новую книгу, будучи уже снова в Союзе писателей, но здоровье, которым он никогда не отличался, но стрессы, предательства вчерашних друзей — всё это сплелось в один клубок боли, и не было уже сил размотать его, выйти снова на полноценный путь творчества... И 22 июля 1958 года перестало биться его сердце.

С пошлостью во всех видах боролся он с помощью очистительного смеха и под градусом упреков пояснял: «Моя тема — «переделка человека», но не в том смысле, как это выражение употребляется критиками. Я имею в виду переделку не персонажей, а читателя, который должен с помощью художественной сатиры воспитывать в себе отвращение к уродливым и пошлым сторонам жизни». Остаётся добавить, что именно поэтому он так актуален сегодня, а значит, и необходим, особенно в пору взросления наших школьников-подростков.

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЁВА

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Самое совершенное оружие

Окончание. Начало на стр. 1

Этот частный диспут получил широкий общественный резонанс весной прошлого года, когда новые украинские власти, уподобившись моему давнему визави, решили наконец-то оградить народ от тлетворного влияния русского языка, получив в результате раскол в обществе и кровавые события в Новороссии. Видно, забыли в Киеве, что язык как воздух, который не видно, пока он есть, но без которого немедленно начинается удушье...

ДЕЛАЙ СО МНОЙ
ЧТО ХОЧЕШЬ, НО...

Когда-то эталонный русский язык представляли писатели и дикторы телевидения, но с той поры прошло очень много лет, и читать современного автора нужно теперь со специальным словарём новояза, а телевизор предпочтительнее и вовсе не смотреть. Политические кликуши, точно соловьи-разбойники (доктор Фрейд тут не проходил?), захватившие телескворешники с обильными кормушками, чаще всего являют ошарашенным зрителям такого сорта русский язык, которым (вкупе с мимикой и размахиванием руками) пользуются обычно где-нибудь в пивнушке подвыпившие мужики, перед тем как подрасть.

Мода на крайний духовный примитив, нашедшая своё выражение в общественном поощрении брутальности (в переводе на русский — озверения), низводит наш «великий и могучий» до уровня языка инного африканского племени, вечно угрожающего кому-то копытами и издающего воинственные вопли. Находясь в последнее время в состоянии жесточайшего самозабвуждения, мы ограничиваем наше казавшееся безмерным языковое пространство, предпочитая ютиться в душной людской некоего просторного и прекрасного дома.

А ведь вместе с тем даже у простолюдинов сакральность языка не подвергается сомнению. Недавно довелось мне участвовать в одном судебном процессе по пустяковому делу. Истец, типичный представитель образованщины, на вопрос ответчика, какой язык он считает родным, впал вдруг в настоящую истерику, требуя от судьи защитить его от оскорблений национального достоинства. После следующего же вопроса, а на каком уровне он владеет родным русским языком, впору было посылать за санитарами со смиренной рубашкой. (Кстати, ответил он, ничтоже сумняшеся, что владеет им в совершенстве. Я тихо позавидовал ему, потому что про себя так сказать не могу.)

Проще всего и ошибочнее всего было обвинить сверхчувствительного гражданина в неадекватности, но я бы не стал этого

делать по следующей причине. Видимо, в глубине нашего подсознания, там, где согласно знаменитой таблице доктора Броуэра прычутся стыдливо от белого света так называемые *слова-раздражители*, языковые маркеры представлены в изобилии. Это как в знаменитом рок-н-ролле Элвиса Пресли: «Делай со мной что хочешь, но только не наступай на мои blue suede shoes!»

Да, на голубые замшевые туфли Элвиса и по сей день наступать нельзя, а на русский язык в современной России — можно. Низведённый в школе до уровня физкультуры, он, являющийся истинным национальным достоянием на все времена, влачит теперь жалкое нищенское существование, получая со всех сторон тычки и подзатыльники.

ЛИТЕРАТУРА В РОЛИ ПРИСЛУГИ?

Конечно, сорок новых ракет, о которых с гордостью недавно говорилось в прессе, ещё надёжнее защитят нас от иноземного вторжения (поверьте, я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не улыбнуться подобному предположению), но неужели никому из власти предречающих в голову не приходит, что *нейтрализация* страны, какой бы мощной она ни была в сугубо военной смысле, вполне себе может произойти другими способами — без бризантного оружия, без атомных «грибов» и точечных атак из космоса? И самым надёжным способом здесь является *языковое забвение*, то есть ровно то, что с нами нынче происходит.

Это лучше всего заметно в низведении литературы до уровня услуги. А ведь ещё совсем недавно ситуация была иной. Помните, в конце восьмидесятых годов, на 55-летию Михаила Козакова (я приехал в Москву по его приглашению, чтобы обсудить возможность экранизации моего только готовившегося к выходу романа «Выкуп») виновник торжества познакомил меня в Доме актёра с мудрейшим и интеллигентнейшим человеком — Зиновием Гердтом. Первые же минуты знакомства меня ошеломили: Гердт, энергично трясая мою руку, вдруг принялся изливаться восторгом по поводу моей персоне, а когда я остановил его, сославшись на Станиславского со знаменитым «Не верю!», лукаво улыбнулся и сказал: «Всё равно вы для нас недостижимый человек, потому что принадлежите к высшей духовной касте — писательской».

Ни по одному другому виду духовной деятельности наш дикий рынок с его гнилой аурой не ударил так сильно, как по литературе. Некогда самая читающая нация в одночасье превратилась в подобие римского плебея с его приоритетом «хлеба и зрелищ». Сшибая один другого, большая часть общества бросилась прочь от серьёз-

ной, энергозатратной для духа литературы туда, в папасаы одичания, скабрёзности, матерщины, некрофильства и прочих примет долгожданной «свободы». Да ладно бы читали Шарля Бодлера, Андре Жида, Генри Миллера или других талантливых исследователей греха, а то ведь кинулись на откровенную дешёвку, которая никакого отношения к литературе вообще не имеет. Это у Распутина тираж в последние годы не превшал трёх тысяч экземпляров, а вот у Матрёны Болтушкиной (менты и следователи во всех видах) и у Фалалае Дурьндина (бизнес-шпана в интэрьере) проблем с покупателями не было.

В горниле нашей мутной жизни выковался *некто*, обликом похожий на человека, который не только к русскому языку, но и к русским традициям относится уже с пренебрежением. Вот сейчас много говорится о новом учебнике истории государства Российского, так в одном из его вариантов чёрным по белому написано, что история эта делится на три этапа, не состоящих друг с другом в родстве. Логично предположить, что и русский язык, на котором писали Пушкин, Лермонтов, Тургенев и далее по списку, даже троюродным племянником нынешнему не приходится, с чем я без каких-либо оговорок соглашусь.

А ведь мы чуть что козыряем именами гениев нашей словесности, но это всё больше походит на уличную браваду пацанов: мол, чего вы там тут баки забиваете, когда за нами Лев Николаевич, Фёдор Михайлович и Антон Павлович в прикупе!

Синичина расправла с литературой уже дорого обошлась нам. Мы практически потеряли литературно-художественные журналы, а вместе с ними и литературно-художественную среду, вне которой ничего кроме словесного чертополоха не вырастет.

Есть ли выход? Конечно, есть. И он удивительно прост. Возьмите за правило читать что-нибудь из русской классики на ночь (идеальный вариант: вслух всей семьёй вместо телевизора). Начните с начала с «Повестей Белкина», дальше раскройте «Княжну Мэри», ну а там уж и «Первую любовь», и «Старосветских помещиков», и «Крыжовник», и бунинский «Новый год», и шмелёвское «Лето Господне», и набоковские «Другие берега», и ещё сорок сороков великого наследия наших гениальных предков.

Счастливые мы всё же люди: у нас есть наш великий русский язык и наша русская классическая литература. Жаль, что не все это пока понимают...

Юрий НИКИТИН

ИНФОПОВОД

Стандарт для педагога

В преддверии нового учебного года педагоги столицы соберутся вместе, чтобы обсудить, как изменится миссия и статус работников образования в свете вступившего в силу профессионального стандарта «Педагог», проблемы инклюзивного образования, новые концепции преподавания отдельных предметов, изменения в системе промежуточных и итоговых форм контроля и целый ряд других насущных вопросов. Организаторы форума —

Единая независимая ассоциация педагогов Москвы (ЕНАП) и Российский университет дружбы народов (РУДН).

При поддержке Департамента образования города Москвы с 26 по 28 августа планируется провести двухдневную конференцию, 19 круглых столов по актуальным научным проблемам и 20 методологических семинаров по вопросам преподавания. 26 августа — день предметов гуманитарного цикла: история; об-

ществознание, экономика, право; русский язык; литература; английский язык; немецкий язык; французский язык; испанский язык; дошкольное образование; начальное образование; дополнительное образование; специальное (коррекционное) образование; искусство; 28 августа — день предметов естественно-научного цикла.

В форуме примут участие учёные РУДН, специалисты Московского центра качества образования, Московского института от-

крытого образования, Городского методического центра, Центра педагогического мастерства, авторы учебников, представители ведущих издательств. Выступающие и авторы статей получат удостоверение о прохождении краткосрочных курсов повышения квалификации «Профессиональный стандарт педагога».

Подробности
на сайте РОО «ЕНАП»:
<http://august2015.enap.info>

АЛЬТЕР-ЕГЭ

Записки с передовой

Окончание. Начало на стр. 1

«НЕ УЛЫБАТЬСЯ! ВАС СНИМАЕТ КАМЕРА!»

Часы показывают 9 часов 15 минут. Вокруг нас («швейцарцами» определены пять человек) что-то похожее на панику. Завихривается воздух за пролетающими мимо руководителем и координатором ППЭ. Общественный наблюдатель всплещивает ежесекундно руками, представитель Министерства образования края окидывает окрестности всё более и более строгим взором. Потом выясняется, что не были готовы какие-то списки. А в 9 часов по плану должна была начаться напутственная линейка.

Психоз выносится на крыльцо: — Построились по школам! Живо! Внизу жмутся друг к другу, озираются испуганно «инопланетяне». Так я называю тех мальчишек и девчонок, которые читают не только статусы «ВКонтакте», но и книжки. Дочитались до того, что для сдачи ЕГЭ выбрали литературу. С ними совсем уж небольшим числом сдающие географию.

После распределения по группам учителя-организаторы с табличками ведут колонной по одному выпускников в школу. Начинается проверка-сверка паспортов. Эту функцию выполняю я с напарницей — зеленоглазой Ольгой Геннадьевной. Пытаемся действовать согласованно. Ольга Геннадьевна тренированным педагогическим взглядом проверяет паспортные данные, называет фамилию, я нахожу такую же в списках, даю галочку. После этого в ход идут металлоискатели полицейских.

Иные из учеников — хотя бы сомнамбулы страха. Таким я в нарушение всяческих инструкций говорю: «Всё будет хорошо!» или «Ну-ка, сейчас же улыбнись!», других поздравляю с Днём филолога.

«Разговорчики!» — шепчут мне замечание. Я куражливо огрызаюсь. Ну надо же как-то сопротивляться этому коллективному безумию.

Одной девочке сразу после проверочного коридора становится плохо, и её едва успевают подхватить под руки девушки-полицейские. Кто-то из числа начальствующих особ нетрогко вносит директиву: «Выведите её из-под камеры!»

Экзамен начинается ровно в десять. А у нас на входе продолжает главенствовать нервозность. Ольга Геннадьевна объясняет:

— Ждут федерального инспектора. Концентрация начальников на один квадратный метр превышает все допустимые пределы. Объясняется сие обстоятельство, впрочем, не только федеральным инспектором, но и тем, что в одном ППЭ собраны все, кто сегодня сдаёт литературу и географию в Прикубанском округе.

Начальники, те, кто на крыльце, надо заметить, ведут себя дисциплинированно: незримую границу дверного проёма не нарушают, ЦУ дают через ретранслятор. В роли ретранслятора — лысый молодец, которого зовут Александр Михайлович.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НЕ ОЩУЩАЕТ

Инструктаж — это своего рода ритуал. Зомбирование. Инструктаж для организаторов ЕГЭ проводился накануне, в воскресенье, а ещё — несколько раз в течение учебного года. Кто как, а я эти мероприятия посещал без пропусков и помимо блокнота и ручки стал вооружаться и простаивающим уже третий год журналистским диктофоном.

Из коллекции Ирины Владимировны А. Она — специалист городского департамента образования. Помимо инструктажей проводила семинары, вебинары (ах, как звучит: вебинар ты этакий!) для историков и кубановедов и регулярно радовала нас перлами:

«Запишала палка у полицейского. Кто ощущивает? Организатор. Полицейский не имеет права ощущивать». «Запишала опять. А может, это крестик? Много детей верующих. Длу глубины души».

«У девочки раздаётся музыка из трусиков. Что делать? Кто виноват?»

«Мы знаем с вами, что дети прятют в трусики сотовый телефон. Надо искоренять это!»

«Разглашение контрольно-измерительных материалов приравнивается к государственной измене».

«Следить за тем, чтобы в туалете дети не совершали негативные действия, связанные со списыванием».

«После выхода ребёнка осмотреть кабинку. Тщательнейшим образом осмотреть унитаза!»

«В КИМы добавлен героизм советских людей в годы войны».

«Герои Советского Союза плюс современные герои... Пловец Карапетян. Его пример — лучше не придумаешь».

«Газеты того времени очень содержательные. Много очень рекламы» (это на семинаре в Госархиве, посвящённом началу Первой мировой войны).

...Записывая всё это, я не посмеивался, увы, наоборот, угрюмо думал: дело Черномырдина живёт. И побеждает?

Александр Михайлович Д. — тот самый лысый молодец — инструктаж начал со страшилок: видеокамеры нацелены следить за нами в режиме реального времени; не откуда-нибудь,

ЕГЭ ЕГОЙ, А ОБЕД — ПО РАСПИСАНИЮ

В 11 часов 15 минут прибывает федеральный инспектор — старичок в элегантном светлом костюме. Старичок не только элегантен, но и в высшей степени вежлив. Чего, увы, не скажешь о сопровождающей его даме. Показывая паспорт, она усмехается:

— Ну, меня вы все знаете. Думаю, обложку снимать не будем.

— Правила едины для всех, — отчеканивает Ольга Геннадьевна. — Снимите, пожалуйста, обложку.

— Пошутили, и хватит, — пытается изящно выйти из затруднительной ситуации дама. — Я начальник управления по надзору и контролю в сфере образования министерства края.

— Тем более. Для вас дисциплина — святое.

Я мысленно аплодирую Ольге Геннадьевне.

Буквально через пять минут до нас доходят волны переполоха. Сначала перед крыльцом начинает нервно расхаживать мужчина. Ему что-то объясняет Александр Михайлович. Выясняется, что одной девочке стало плохо. Лежит на кушетке в медпункте. А примчав-

Ровно (!) в 13.00 мимо нас по направлению к кабинету, откуда уже минут десять просачиваются, несмотря на секретность, запахи мяса, сыра и зелени, профиделировали федеральный инспектор, дама из министерства, которую все знают, женщина в строгом синем костюме. В сопровождении руководителя ППЭ и директора школы. Минут через двадцать все вышеназванные прошли обратно. Старичок-инспектор подозрительно раскраснелся. Скорее всего, выпил не одну чашку чая, а две.

БАБИЙ БУНТ

15 часов 40 минут. За окнами ярится зноем ослепительное кубанское солнце. Координатор ППЭ, пробегая по коридору, бросает загадочное: «Всем велено ждать. Возникли проблемы...»

Ждём в той же аудитории, что и утром. Женщины общаются весело, по-кубански громко. У некоторых на партах нелегально пронесённые пачки печенья. Пятеро мужчин (включая меня) обессиленно опустили головушки на парты. Нас, представителей вроде как сильной половины человечества, было вообще-то сегодня шестеро. Однако с полчаса назад мой коллега — в одной школе работаем, и я знаю, что у него язва желудка, математик Олег Павлович — желал спросить у дамы, которую все знают: а нас когда выпустят (отпустить)?

И действительно — экзамен закончен. Чего или кого ждём?

— Что за глупые вопросы?! Вы, — обращается раздражённо дама к тьютору, — объясните ему ещё раз правила поведения. Если на инструктаже не смогли! Пахнуло базаром.

— Попрошу не разговаривать со мной в подобном тоне, — вполуроту аплодирует и Олегу Павловичу. Он вообще-то весьма импульсивный человек, но, видимо, сжал волю в кулак и показательно корректен и вежлив!

Но даму уже не остановить. Кто он такой? Выясните! Из какой школы? Да как он посмел!

В конце концов Олег Павлович всё же был отпущен на свободу. От греха, как говорится, подальше. Директор школы, где проходил ППЭ, он же организатор обеденной «поляны», сокрушался, пытаясь найти во мне союзника:

— Ведь так всё хорошо шло, а скажи? И нашёлся один вот такой, вай, как нехорошо! Обидно, слушай!

Я смотрел в его тёмно-коричневые восточные глаза и понимал, что он говорит абсолютно искренне...

В 16 часов 10 минут (никто к нам из начальствующих особ так и не заглянул) вспыхивает искра: «А чего мы ждём-то? Пошли, девочки, по домам!» И мы, мужчины, встрепенулись. Двинулись за нашими отжабными женщинами.

В дверном проёме — стойкий Александр Михайлович. Вновь, как и утром, распротёр было руки. Но — помните? «Коня на скаку остановить...» А тут просто какой-то измочаленный ретивым служением «тьютор».

...Александр Михайлович хватает всё же благодарно отскочить в сторону.

Мы на свободе!

P.S. Последующие ЕГЭ повторяли всё косноязычие инструктажей, бестолковую суету и нагнетание страстей перед экзаменом, испуганную заторможенность дисциплинированных выпускников, демонстративный пофигизм тех, кто вопреки ЕГЭ как забавный эпизод в своей только начинающей разгораться жизни...

А главное — с каждым новым экзаменом ты свыкаешься со всем этим. Начинаешь воспринимать происходящее как вполне нормальное явление...

И вот это по-настоящему страшно.

СЕРГЕЙ БУЗМАКОВ, КРАСНОДАР

а из самой Москвы будут зорко нести доглядную службу студии, алчущие выхватить как можно больше нарушений с нашей стороны и получить за это премияльные, а за нарушения, нами допущенные, будет на нас наложен штраф с четырьмя нулями...

Александр Михайлович не тьютором бы работать, а оспаривать славу Стивена Кинга. Да, к слову, если вы не зовёте координатора того или иного мероприятия просто координатором, он, пожалуй, уже и обидеться может: тьютор я!

«...Водичку возьмите, — продолжает Александр Михайлович, — лекарства, кому какие надо, еду брать не надо (тут зал загудел возмущённо: восемь часов без пищи?!)... — Тихо... тихо! Товарищи, станем плохо — отведём в медпункт, напомним чаем, дадим печенюшку...»

Разумеется, войдя в лекторско-инструктажный раж, Александр Михайлович тоже начал «перлить»:

«Никаких юбочек до середины икры!»

«Просвечивающие блузки и коралловые платья тоже снимите».

«Сидеть на стуле надо правильно. Картина искажает, и кажется, что человек сидит развалился и не следит за ребёнком. Ног у ног если закидываете, то закидывайте красиво».

«Вот охватит школьников — а он охватит, поверьте — стадный эффект. Пойдут все пить, а вы их предельно вежливо отучайте от этого».

И в продолжение столь популярной на инструктажах туалетной темы:

«Вот заходите вы в туалет, а там в урне куча шпаргалок... Ваши действия? Правильно. Нарвать побольше туалетной бумаги и завалить ею эту кучу».

шійий по звонку отец дочку забрать и отвезти в больницу не может. Так просто, оказывается, это не делается. Заполняются бумаги, пишутся (кем?) заявления об отказе от экзамена, кто-то с кем-то что-то согласует...

Экзамен длится 3 часа 55 минут. Учитывая, что его официальный старт в 10 часов, затем минут двадцать происходит инструктаж участников ЕГЭ и процедура вскрытия конвертов, стало быть, экзамен продлится примерно до 14 часов 20 минут. Вот представьте: пробудился (если, конечно, он ещё спал) выпускник в шесть утра. К половине девятого он должен быть у ППЭ. Психозно-проверочный церемониал с металлоискателями. Продвижение к аудиториям, на дверях каждой — плакаты. От пафосных — «Мы за честный ЕГЭ» — до предупреждающих — «Нарушил правила — потерял год» — и до все зловещих: «Вот списать — потерял будущее». И вот после всего этого надо как-то сосредоточиться и ответить на вопросы тестов.

После полудня появляются первые «покончившие» с ЕГЭ. Уточняешь, из каких школ, просишь подождать, идёшь скорым шагом в аудиторию, где находятся сопровождающие детей учителя, сообщая им радостную весть. Они отдают сданные им вещи выпускников. Всё. «Темницы рухнут — и свобода, — декларирует один паренёк, — нас встретит радостно у входа...»

Исполнение функций «вестника счастья» имеет неоспоримое преимущество. В движении, в общении Морфей отступает. (Кофе и чай проходят, видимо, согласно какой-нибудь тайной инструкции по списку запрещённых.)

— А что у тебя по литературе?

— Девочка чуть обиженно и удивлённо пожимает плечами: — Пять!

Практически каждому: — На каком языке разговаривали древние римляне? — На древнеримском. — На древнегреческом. — На английском!

Старшеклассникам: — Как звали последнего русского императора? — Пётр I.

— А что произошло в 1917 году? — Наполеон напал на Россию? — Нет, революция.

— Так мы это ещё не проходили...

Вообще на любой вопрос, который вызывает затруднение, у ребят готовы два ответа: «мы это ещё не проходили» и «мы это проходили давно». Причём под «давно» подразумевается «в прошлом году». Каждый раз, слыша эти ответы, я задаюсь одним и тем же вопросом: учителя плохо преподают, ученики плохо учатся или родители не разговаривают со своими детьми?

Хуже всего даётся революция. Махнув рукой, ставлю им фильм «Романовы. Венценосная семья» Глеба Панфилова. И пока будущие выпускники поражённо изучают историю, которую «проходили», я задаю себе главный вопрос: как преподавать мне, чтобы надолго?

МАРГАРИТА БОБРОВСКАЯ, АСТРАХАНЬ

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

И о семье — у доски

«Нагружать всё больше нас стали почему-то...» — пелось в песенке нашего детства.

Но сейчас я не об этом: что стали задавать больше по школьным предметам, а о том, что больше становится самих этих предметов. Расплодился предмет, названия которых состоят — аж! — из трёх слов («Основы безопасности жизнедеятельности», «Мировая художественная культура») и при свёртывании в аббревиатуру превращаются в слова из трёх букв.

Вот и ещё один на подходе — «Нравственные основы семейной жизни» (пусть читатель не заподозрит меня в неумении считать — просто в данном случае за словосочетанием «семейная жизнь» стоит одно понятие — «семья»). Вести хотят вообще много чего: «Основы бизнеса», «Основы толерантности», «Половое воспитание», недавно предложили ввести предмет «Смысл жизни».

По этому поводу на ум приходит как минимум две цитаты.

Первая — горькие слова Чацкого о том, что русским детям стремятся дать учителей (в нашем случае — предметов) «числом поболее, ценою подешевле».

Вторая — из Козьмы Пруткова о том, что нельзя объять необъятное.

Действительно, нельзя.

А ведь ещё не стихли дебаты по поводу введения предмета, название которого состоит из одного слова, но какого! «Патриотизм». Поймите меня правильно: я не против патриотизма, я против появления такого предмета в сетке школьного образования.

Как вы представляете себе урок патриотизма? Дети под диктовку учителя записывают определение этого понятия, а потом учитель приводит примеры его проявления, рассказывает о героях? Но ведь для этого у нас есть история! Или литература, где герои, пусть и вымышленные, но в силу специфики литературы как вида искусства действующие на чувства ребёнка. «Над вымыслом», как известно, «слезами обольюсь».

Скажу банальность.

Ребёнок мыслит конкретно (даже старшеклассник), ему чужды всякого рода абстракции (а ведь, согласитесь, «патриотизм», взятый сам по себе, без, так сказать, почвы, превращается именно в абстракцию, чтобы не сказать абсурд). Прочитайте ему о мальчишке Феде, испугавшемся волка, и мужике Марее, успокоившем мальчика, приложив к его губам руку, испачканную землёй. Свозите детей в Даровое, где они своими глазами увидят лес, откуда выбежал тот самый (возможно, мифический) волк, своими руками потрогают землю (читай: «почву»), которую пахал тот (возможно, тоже мифический) мужик. И, поверьте, это западёт им в душу (проверяла!), именно в душу, а не только в голову, ведь патриотизм — всё-таки не умопостижимый предмет. «Умом Россию не понять» (хотя, кто спорит, стремиться нужно).

В бытность свою классным руководителем, выбирая приоритеты воспитания, я, разумеется, на первое место поставила патриотизм. И что же я решила? Повежу-ка я детей, живущих в Москве и отдыхающих, как правило, за границей, по России. В итоге за семь лет, с 5-го по 11-й класс, мы побывали в Санкт-Петербурге, Великом Новгороде, Твери, Пскове, Ярославле, Смоленске, Торжке, Угличе, Костроме, Кашине, Калезине.

Когда теперь мы встречаемся с моими бывшими учениками (некоторые из них работают за границей), они наперебой вспоминают: «А помните, как Петя забыл в Питере свою сумку? А помните, как Лена разбила окно в гостинице в Угличе? А помните...» То есть для них Петербург — это не только город Петра I, но и город Пети Иванова, их личного одноклассника. Их личный город. Их общий город.

В одном сочинении, написанном после поездки в Питер, я прочла: «Раньше я думал, что Пушкин — просто гений. Но после посещения его квартиры на Мойке, когда я увидел кровать, где от страшной раны в живот он умирал, я почувствовал, что он, во-первых, человек (а не небожитель), способный чувствовать боль, а во-вторых, близкий мне человек (я спортсмен и часто получаю травмы, которые причиняют сильную боль), почти родственник...»

Прочитав это сочинение, я подумала, что не зря таскала свой шебутной 9 «А» в нашу вторую студию: мне удалось создать условия, при которых подросток *наше* всё почувствовал *своим*. А ведь в этом нюансе — «русскую» землю почувствовать (настаиваю: именно «почувствовать», а не «понять, что...») «своей» — вся соль. Соль этой земли (простите за каламбур!)

А ещё хотел ввести предмет «Нравственность». Но почему бы тогда не ввести предметы «Любовь», «Дружба», «Мать» (а чтобы отцам было не обидно — «Отцы и дети», а чтобы дедам — «Дети и деды»)? Думаю, потому, что это будет тавтологией (причём дурной): и о любви, и о дружбе, и о взаимоотношениях поколений можно порассуждать на уроках литературы. Недаром два из этих предлогаемых предметов являются названиями русских романов.

Литература (и не только русская, разумеется) — это вообще, извините за избитую метафору, неисчерпаемый кладёз в деле воспитания. Поговорите на уроках об Асе и Татьяне, Томе и Гекке, о взаимоотношениях отцов и детей не только у Тургенева, но и у Толстого, Гончарова, Достоевского — и не нужны вам будут больше никакие «предметы».

Но вернёмся к нашим баранам — я имею в виду грозный школьный предмет «Нравственные основы семейной жизни» (НОСЖ). Всё-таки, очевидно, большим специалистом в семейной (пусть и весьма драматичной) жизни был Л. Толстой, давший удивительные примеры семей Ростовых, Болконских, Карениных, Левиных, а не уважаемая монахиня Нина Крыгина (автор учебника по предмету НОСЖ).

Хотелось бы заметить, что воспитательным ресурсом обладают практически все традиционные школьные предметы. Вспомним учителя истории Мельникова из кинофильма «Дождём до понедельника», вдохновенно рассказывающего на своём уроке о личности и подвиге лейтенанта Шмидта. Или директора Ромахина (из «Завтра была война»), опять-таки на своём уроке буквально поющего гимн степи (кстати, и его непутёвый коллега из романа А. Иванова даёт в том самом походе своим ученикам драгоценные уроки любви, дружбы, мужества, того же патриотизма).

О чём я?

О том, чтобы школа давала фундамент, но не делала это ответственно и качественно. Чтобы из каждого предмета ученик под руководством любящего и знающего свой предмет учителя «высасывал» максимум знаний, понятий, эмоций, учений и навыков.

Кто в школе отвечает за воспитание ученика, формирование его души?

Формально — классный руководитель. Но по сути — все учителя — предметники.

Не больше новых предметов нужно нашей школе, а больше тех, кто будет, обучая, воспитывать ребёнка.

Тружеников. Работников. В Евангелии есть ещё хорошее слово — делателей.

ИННА КАБУШ

РЕПЛИКА С МЕСТА

Слишком много вопросов

В Региональном школьном технопарке Астрахани я веду проекты по журналистике: «репортаж», «интервью», «журналистский эксперимент» и т.д. 36 академических часов на то, чтобы окупиться в профессию. Чтобы, поступив на журфак, девочки и мальчики не сказали разочарованно: «А я думала, что журналистика — это когда со звёздами...» А ведь так и отвечают, когда спрашиваешь, что, по-твоему, журналистика.

Занятия невозможно вогнать в рамки лекции: жанр, редактирование, диктофон. Заговариваешь о визитном визитнике газеты — скатываешься в падение Древнего Рима, разбираешься в происходящем термины — перечисляешь языки романской группы, а

дата рождения интернета тянет за собой холодную войну. Но я не диктую — я спрашиваю. Сказать по правде, я вообще задаю ребятам много вопросов.

Простероклассникам: — Что сейчас происходит по истории? — Мальчики — обстоятельные, развитые, смыслённые — выдают: — Ледяную битву Александра Македонского! — Да нет, Ледовое побоище!

Старшеклассникам: — А что произошло в 1917 году? — Гробовое молчание. Потом робко:

— Революция? — Ну кто делал революцию, знает? Кто лежит в мавзолее на Красной площади?

— Сталин! — радостно выкрикивает одиннадцатиклассница.

Восьмикласснице: — Что вы проходили по литературе в прошлом году?

— Какие-то стихи и рассказы.

— А какое произведение из школьной программы ты запомнила?

— «Белый Бим Чёрное Ухо».

— Отлично! А о чём оно? — Я не поняла.

— Не поняла? А сюжет сможешь пересказать? — Девочка пересказывает точно.

— Ну, может, оно о верности? О том, что не каждый человек способен проявить такие человеческие качества, как собака? — Ну да. Вот теперь я поняла, о чём оно.

— А что у тебя по литературе?

— Девочка чуть обиженно и удивлённо пожимает плечами: — Пять!

Практически каждому: — На каком языке разговаривали древние римляне? — На древнеримском. — На древнегреческом. — На английском!

Старшеклассникам: — Как звали последнего русского императора? — Пётр I.

— А что произошло в 1917 году? — Наполеон напал на Россию? — Нет, революция.

— Так мы это ещё не проходили...

К ДОСКЕ!

Двойка по японскому

Не окажутся ли все языки редкими?

В прошлом году практически все московские школы перешли на пятидневное обучение, и руководителям учебных заведений пришлось сокращать учебные часы. Сложнее всего оказалось школам с углублённым изучением иностранных языков, именно эти предметы и урезали в первую очередь. А некоторые школы и вовсе оставили только один иностранный — английский.

По образованию я — преподаватель японского языка, поэтому было интересно узнать, что же случилось со столь редкими для обычных школ точными языками. На сайте посольства Японии нашла список учреждений, куда заинтересованные родители могли бы отправить своего ребёнка учиться язык Страны восходящего солнца. Всего в списке оказалось 9 московских и 4 областные школы. Но, видимо, он давно не обновлялся: когда я стала проверять информацию, оказалось, что только в двух японский значится как второй иностранный. Только ли в «пятидневке» дело?

Интерес к японскому языку в школах пережил бум в начале 90-х годов. Сейчас он держится на несколько более низком, но стабильном уровне: детей привлекает культура Японии, причём как классическая, так и современная. Что же касается нехватки учебных часов, рассказала заведующая кафедрой японского языка Московского городского педагогического университета Ульяна Стрижак, эта проблема затронула не только японский, но и французский, немецкий, испанский и другие языки, которые дети выбирают в качестве второго иностранного.

Преподаватель одной из московских школ Алина Дмитриевна рассказала мне, что ещё два года назад дети занимались японским три часа в неделю, а в этом году — всего один.

— Качество резко упало, у многих пропала мотивация учить язык. В понедельник мы прошли новую тему — в следующий понедельник уже всё забыли. В итоге получается, что этот один час в неделю никому не нужен.

Мотивировать учеников к изучению языка, конечно, необходимо. Но только как это сделать при одном уроке в неделю? У Алины Дмитриевны большая коллекция материалов по страноведению: здесь и познавательные фильмы, и компьютерные презентации, и песни на японском языке. Но вот как всё это использовать? Видео — это 20 минут, а значит, пол-урока будет потеряно.

При одном учебном часе в неделю приходится отказываться не только от дополнительного познавательного материала. Иероглифику теперь изучают только старшеклассники. Не всё гладко и с пособиями: специализированных учебников для школ всего два — для пятого и шестого классов. Старшеклассникам же приходится учиться по материалам для вузов, но они в большинстве своём слишком сложные и скучные для детей. Да и их трудно найти в школьной библиотеке — ни учебников по японскому, ни словарей туда не привозят. Поэтому родителям приходится покупать своему ребёнку комплект — два учебника и прописи — самостоятельно.

Алина Дмитриевна считает, что в новом учебном году пятые классы не придут к ней учить японский: из-за маленького количества часов родители выберут не его, а, например, дополнительные занятия по математике или физике. Остаётся надеяться, что лингвистическое направление в общеобразовательных школах не исчезнет полностью и желающие смогут учить иностранные языки.

Кристина ЕЛДЗАРОВА

P.S. На самом деле, если родители выберут дополнительные занятия по математике и физике, для страны это будет не так уж и плохо. Пугает другое. Во всём мире падает интерес к изучению любых языков, кроме английского. Да, удобно, выучив только его, понимать всех. Но не приведёт ли это в конце концов к исчезновению и ныне мощных мировых языков?

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕНА

Борис ИЛЬИН,

родился 12 декабря 1985 года в подмосковном Ногинске. Окончил факультет русской филологии МГОУ им. Крупской, с 2007 года работает учителем русского языка и литературы в московской школе № 498.

*В твоём бормотании непонятном,
В твоём диковинном языке
Есть чёрные дыры и белые пятна,
И я проламываю их налегке.
Мне нравится померь плетейских историй
С ненужным, не выговоренным никому
Горем беснующимся, и не стоить
Ему покидать киммерийскую тьму.
Но в каждой ухмылке упорное эхо.
Когда ты бездельничал дорассказал,
Я прячусь в бессмыслицу развязного смеха,
Как дети, когда закрывают глаза.*

*Но будет ясным день — и грянет гром.
И под шумок назад мелькнут страницы.
Чужие шрамы, наши небылицы
Не то что ластиком — их даже топором
Мы вырубим. Вот время прослезится.*

*Рыдай — но радуйся, что памятью силен.
Потерянного жалко — значит, вырос.
А юность — как стихия или вирус:
Никто от юности не защищён,
Как от огня не защищён папирус.*

*Бумага же написанным ценна.
Жизнь самая что ни на есть живая,
Как комната застынет нежизня
В тетради юности. То странная страна:
И потерять боюсь, и править не желаю.*

*Мне ли везло зимовать в коммунальной трущобе?
С кухни общарпанной спелый нести кипяток
В ржавой кастрюле и разливать на обе
Чашки, ссыскавшие в комнате свой уголок.*

*Странно, что вещи легче находят угол,
Даже на круглом его отводят столе.
Даже когда им приходится страшно туго,
Всё же не так, как людям на тесной земле.*

*Комната знала и пыльной стала каютой,
За тусклым окном которой воет метель.
Сколько с огнём бледную лампу на путай,
Сумрак на несколько суток, а позже — неделя.*

*Драма абсурда: от внешнего редкого света
В качку пугливый залезет на шкаф табурет.
Храп холодильника. Нюют дощечки паркета,
Вещи теснят человека. Выхода — нет.*

*Самолёт, загнанный на карантин,
Не дожидется — ждёт консилиума врачей.
Раньше взлетали быстро, а теперь я один,
И — куда страшней — я совсем ничей.
Добровольку новому в твоём чреве
Хочешь — радуйся, железная птица;
Захотела бы — сплонула, если в гневе,
Да испугалась, наверно, как бы не подавиться.
Всё курьчут внутри без устали голоса,
Что пока на Земле — в верности ей клянишь.
Но, закрыв глаза, взмываешь в самые небеса
И кружишь там. И страшно — если вдруг вниз.
Не хотел, чтобы страх, да и кому хотелось;
И зачем нужен курс, если не быть полёту.
Открываешь глаза, но какая тут, к чёрту,*

*Смелость — это когда о других работа.
Прошлое брошено — кого я теперь покину;
Без разбора полётов в Лету кануло тело.
Расшевелить бы только стальную машину,
Чтобы она, остервенев от ужаса, полетела.*

Галина РУДНИЦКАЯ,

учитель русского языка и литературы школы № 19 города Каменска-Уральского, Свердловская область. Автор двух поэтических сборников: «Полет за гранью» (2006 г.) и «Услышать себя».

*Летяще, звеняще, крылато,
Легко, как полёт стрекозы,
Шурищае, игриво, мохнато,
Как шмель в ожидании грозы.*

*Цветистая, цветастая, контрастно
Из запаха трав луговых.
Не томя и нежно, а страстно
Из огненных, ярких, живых!*

*Такое вот жаркое лето
Взрывает, несётся, круша,
И только в цветке до рассвета
На донышке дремлет душа.*

*Возьми листок, прозрачный скотч,
Приклей слова, пока не лжешь,
Переложки на ноты ночь,
Дождей осенние мотивы.
И тем, что гонит ветер прочь,
Раздай простую партию,
Чтобы кому-нибудь помочь
На orange-lounge создать структуру.
И ты почувствуешь: легко
Душе в системе листопада
Читать с листа и высоко
Лететь, не ведая разлада.*

МАРИНА НАДЕЛЬШТЕХЕЛЬ,
методист, ИВАНОВО

Пока в московских школах японский ещё изучают...

Фотопортрет ЕВГЕНЬЕВ

ПОДРОБНО

Раскольников и социальное расслоение

Для успешной сдачи экзамена по обществознанию и литературу знать нужно

Долгое время педагоги пытались научить выпускников писать эссе по обществознанию. И каждый год эксперты удивлялись тому, как плохо это задание даётся экзаменуемым. В Ивановском регионе, например, только 65% учащихся понимают проблему, поставленную в коротком высказывании, и только каждый десятый приводит полноценные аргументы, а тех, кто справляется с теоретической частью задания, ещё меньше.

Сложность заключается в самом задании, которое требует непринуждённого рассуждения на определённую тему. Многие достаточно легко в устной форме приводят аргументы в защиту или опровержение конкретной проблемы, но изложение этих аргументов письменно требует уже немалых усилий. Изменение критериев оценки задания в ЕГЭ по обществознанию заставило учителей изменить и подходы к подготовке выпускников. Сейчас альтернативное задание, требующее написания развёрнутого ответа по одной из пяти тем, уже не похоже на форму эссе. Приоритетное оценивание уровня теоретической и фактической аргументации (четыре балла из пяти) позволяет отнести эту работу к жанру сочинения-рассуждения.

Структурировано текст сочинения-рассуждения выглядит так: подведение к тезису (обозначение проблемы или её аспекта) — тезис — аргументы

(доказательство тезиса) — вывод. Необходимо установить причинно-следственные связи между явлениями, привести факты, доказательства и аргументы, на основе которых строятся выводы.

Структура аргумента выглядит следующим образом:
тезис (мысль, положение, которое будем доказывать);
аргумент (наглядный пример может выступать в виде фактов, явлений общественной жизни);
микровывод (выводит тезис на новый уровень обобщения).

Теоретическая аргументация, оцениваемая двумя баллами из пяти, предполагает не просто перечисление известных понятий ряда положений, а целостное рассмотрение вопроса с использованием различных компонентов обществоведческого знания: фактов, зависимостей, теоретических утверждений, причинно-следственных связей и т.п. Например:

Древний человек научился считать, измерять участки земли, определять время по звёздам и т.д. Древние египтяне знали сложную формулу усечённой пирамиды, а вавилоняне — теорему Пифагора. Можно ли говорить, что это и была наука? Наверное, нельзя. Наука — это не те или иные знания, а вполне определённый метод мышления. Наука основана на объективизме, доказательстве и логике. Кроме того, наука — это коллективное знание. Важной предпосылкой науки является размышление над самими методами доказательства.

Залогом удачной аргументации является хорошее знание обществоведческого курса, высокий уровень владения материалом из других школьных предметов: истории, географии, литературы, а также умение правильно осмыслить собственный социальный опыт. Лучшими аргументами являются широко известные исторические факты — войны, революции, деятельность известных исторических личностей.

В практике обществоведческих сочинений в последнее время самым распространённым аргументом стали литературные произведения. В работе по обществознанию такой аргумент может быть выражен в одном предложении, в отличие от сочинения по литературе или русскому языку. Учащиеся же забывают, что важен только тот эпизод произведения, та сюжетная линия, те черты героя, которые подтверждают выдвигаемый с опорой на обществоведческие знания тезис. Рассмотрим примеры таких аргументов.

Тема «маленького человека», т.е. социального неравенства и различия статусов, в русской литературе широко представлена в творчестве многих русских писателей: «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, «Шинель» Н.В. Гоголя, «Тонкий и толстый» А.П. Чехова.

Родион Раскольников, исключённый из студентов университета, живущий в крайней бедности, написал статью, где

высказал свой принцип разделения людей.

И.А. Гончаров рисует картину духовного упадка и социальной гибели героя — Илья Ильича Обломова.

Большую роль в жизни любого человека играет воспитание. Представь особенности формирования личности молодого человека начала XIX века поможет Евгений Онегин.

Не менее сложно для учащихся сделать микровывод по приведённому аргументу, хотя это предложение иногда является решающим при написании обществоведческого сочинения. Примеры некоторых удачных микровыводов из школьных работ.

Физическая смерть Обломова в то же время означает его духовную и социальную гибель.

В стихотворении «Анчар» поэта убедительно показывает, что нельзя называть свободным ни раба, ни господина.

Эта история красноречиво говорит о том, что поступок одного человека может повлиять на судьбы других людей (А. Куприн, рассказ «Чудесный доктор»).

Сочинение-рассуждение можно подытожить фразой: «Таким образом, автор афоризма даёт понять, что...». И так, завершая размышления о... мы приходим к выводу...», «Подводя итог ска-